

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ЧТЕНИЯ

Димка, обыкновенный провинциальный парень, наконец – то попал из своего маленького городка в Северную российскую столицу. Радости его не было предела. Ведь у него появилась возможность познакомиться со многими достопримечательностями, связанными с историей и наукой. Эти «две дамы» его интересовали больше всего да и время занимали всё, не оставляя ничего для приобщения к искусству, которое он считал сюсюканьем. Об этом Димка написал в своём итоговом сочинении, чем очень озадачил уважаемую им Елену Викторовну, учительницу по литературе.

- Приехал в Петербург всего на десять дней, а первый день теряю, - думал с сожалением Димка за завтраком, потому что Егор пригласил его на заседание Клуба любителей чтения, постоянным членом которого он был с третьего класса.

- Тебе, Дима, понравится. Ведь сегодня будем говорить на тему, которая никого не может оставить равнодушным: «Почему наше будущее зависит от чтения?».

В клуб ребята ехали на трамвае, Дима любовался музеем под открытым небом. В его голове постоянно роились мысли о потерянном времени: лучше бы я начал с осмотра технического музея или кунсткамеры. Жаль, что не смог отказаться! А может, я боюсь их загадочного и обманчивого мира? Их мир пересоздан по образцу и подобию моего?

Юноша не мог сказать о себе: «Я не читатель!» Но после очередной прочитанной книги чудо не совершалось. А Елена Викторовна обещала! Завеса не раздиралась, и Димка не слышал обещанных голосов сверху. Но в себе, в своей душе, ученик слышал похвалу учителя. И только... Его не интересовало то, как сделано это создание. Еще меньше ему хотелось совершать суд над смыслом и содержанием этого создания. Его не мучили вопросы: «Что я понял?», «Что понял ложно?», «Что исказил?» Вспомнились постоянные вздохи литераторши по поводу сокращения количества уроков литературы и разговоры о библиотеке, где на балансе только учебники и почти не осталось художественной литературы.

Ребята читали отрывки из произведений Антона Павловича Чехова, говорили о жизни автора и работе над этими творениями.

Запомнился вывод в одном из выступлений: «Все, с чем Чехов встречался, становилось в его отражении принадлежностью места, характерной и характеризующей его чертой».

После дискуссии ребята сошлись во мнении: «Что касается творчества Чехова, то его можно назвать одним из самых “непетербургских” писателей. Действие чеховских рассказов (за некоторым исключением) обычно происходит в провинциальном городе, в усадьбе, деревне. Петербург в них упоминается лишь как место, где прежде герои служили, где герои и героини учились или воспитывались — в университете, консерватории, институте благородных девиц, куда они уезжают из глуши, чтобы начать новую жизнь, где живут знаменитые певцы. Но это всегда неслучайные и значимые упоминания, характеризующие как героев, так и специфику российской жизни и той роли, которую в этой жизни играет Петербург».

«А потом меня так вставило, что я пошел в книжный и начал открывать все страницы с портретами писателей. Смотрел на них, смотрел. Вот тогда я все и понял», — рассказывал Димка за ужином. Такое прозрение кажется почти невозможным: портреты русских писателей — это лица живых людей, изображенные по канону иконописи. Дело тут не в самих портретах, которые годами глядят на нас со страниц хрестоматии и школьных стен, а в нимбе из текста. Впустить русскую литературу в сердце и по-новому прочесть классические тексты много проще, когда видишь смертных, погруженных в литературный процесс. Такое заседание - это путь навсегда реанимировать алебастровые маски русских писателей.

Гуляя несколькими днями позже по Невскому, вспоминая рассказы Елены Викторовны на уроках, Дима думал о том, что Чехов любил солнечный Невский. Именно Петербургу принадлежит честь открытия Чехова. А разглядывая книги в киоске, задумался о том, что неизвестно, сколько времени он бы еще печатался в “малой” прессе, если бы не Петербург, оценивший его и заставивший изменить отношение к своей писательской деятельности, осознать ее как призвание. Очередная поездка сюда сильно повлияла на его самоощущение как писателя: с этих пор он стал отделять себя от “малой” прессы.

Димка понимал, что в конце двадцатого века начался кризис. Читать стало некогда. Сначала детям, затем дети повзрослели, и читать стало некогда их детям. Еще более некогда, чем родителям. Появились другие удовольствия — в основном виртуальные. Игры. Всякие тесты, квесты... Ну и, конечно, техника. Технические дисциплины стали вытеснять гуманитарные. Кибернетика, квантовая механика и электродинамика. А литература, история, география отошли на задний план. Особенно литература.

Юноша со страхом думал, что в двадцать первом веке перестанут печатать книги, бумагу сменит электроника. Но и в электронном варианте спрос на литературу упадет — стремительно, в несколько раз в каждом новом поколении по сравнению с предыдущим. Как следствие, уменьшится количество литераторов, потом их не станет совсем — люди перестанут писать. Но успокоил себя тем, что филологи могут продержаться сотню другую лет — за счет написанного за двадцать предыдущих веков!

На следующий день ребята продолжили прерванный разговор.

- Литература может показать нам другой мир. Она может взять нас туда, где мы никогда не были. Один раз посетив другие миры, как те, кто отведал волшебных фруктов, мы никогда не сможем быть полностью довольны миром, в котором выросли. Недовольство — это хорошая вещь. Недовольные люди могут изменять и улучшать свои миры, делать их лучше, делать их другими.

Клубы любителей чтения — это свобода. Свобода читать, свобода общаться. Хочу такой клуб в нашем городке. Создам его с Еленой Викторовной... Петербург подарил Димке минуты счастья, восхищения и душевного беспокойства.

Культин Данила 11 класс